

УДК / UDC 811.512.37'42

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-577-590

Концепт «родина» в калмыцком языке (на лексикографическом и фольклорном материале)

Галина Борисовна Есенова¹, Тамара Саранговна Есенова²

¹Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий специалист
 ID 0009-0004-3001-0100. E-mail: esenovagalina93[at]gmail.com

²Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор
 ID 0000-0001-7655-7751. E-mail: esenova_ts[at]mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2024

© Есенова Т. С., Есенова Г. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена универсальному концепту «родина», занимающему важное место в картине мира калмыков. *Цель* статьи — описание концепта «родина» в калмыцком языке. *Задачи:* а) установление его понятийного содержания; б) характеристика его образной и аксиологической составляющих; в) определение постулатов поведения, обусловленных данным концептом. *Материал* послужили словарные дефиниции языковых единиц, материалы паремийологических словарей, репрезентирующих концепт «родина». В работе применялись методы сравнительного, лексико-семантического, контекстуального и лингвокультурологического анализа. *Результаты.* Анализ показал, что в калмыцком языке существуют разнообразные средства объективации концепта «родина», которые относятся к базисной лексике, этимологизируются на монгольской языковой почве. *Выводы.* Ментальный объект «родина» ассоциируется с пространством (*һазр, орн*), где родился человек (*төрскн / төрсн һазр*), где он обитает (*нутг*), с водными источниками (*усн*). Перцептивный образ родины визуализируется как территория с мягкой землей (*жсөөлн һазр*), зеленой сочной травой (*ноһан сөг*), теплым воздухом (*дулан*), целебной водой (*ариан*). *Эңкр һазр-усн* ‘милая родина’, *ээж-аавин нутг* ‘нутг матушки-отца’ составляет высшую ценность калмыка (*төрл эк мет*), представляется как «свое пространство» (*эврә һазр-усн*), противопоставленное «чужой земле» (*хәрин һазр*). Постулаты поведения калмыка: беречь, любить, прославлять родину, отдавать жизнь за родину, служить родине, возвращаться на родину, знать ее обычаи.

Ключевые слова: калмыцкий язык, лингвокультура, концепт, родина, понятийный компонент, образный компонент, ценностный компонент

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Аксиологический аспект картины мира калмыков» (№ 23-28-00790; https://rscf.ru/prjcard_int?23-28-00790).

Для цитирования: Есенова Г. Б., Есенова Т. С. Концепт «*hazr-usn* / родина» в калмыцком языке (на лексикографическом и фольклорном материале) // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 577–590. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-577-590

The Concept of “Homeland” in the Kalmyk Language (based on lexicographic and folklore material)

Galina B. Esenova¹, Tamara S. Esenova²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Cand. Sc. (Philology), Leading Specialist

 0009-0004-3001-0100. E-mail: esenovagalina93[at]gmail.com

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-7655-7751. E-mail: esenova_ts[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Esenova G. B., Esenova T. S., 2024

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the universal concept “homeland”, which occupies an important place in the world picture of the Kalmyks and determines a person’s worldview. *Goals.* The paper attempts an insight into the concept of homeland in the Kalmyk language. *Tasks:* a) to establish its conceptual content; b) to characterize its figurative and axiological components; c) to determine the postulates of behavior conditioned by this concept. *Material:* dictionary definitions of linguistic units representing the concept “motherland”. *Research methods:* methods of comparative, lexical-semantic and linguocultural analysis. *Results.* The analysis has shown that in the Kalmyk language there are various means of objectification of the concept “motherland”, which belong to the basic lexicon, etymologized on the Mongolian linguistic soil. *Conclusions.* The mental object «motherland» is associated with the space (*hazr, orn*), where a person was born (*törskn/ törsn hazr*), where he lives (*nutg*), with water sources (*usn*). The perceptual image of the homeland is visualized as a territory with soft earth (*dzhöln hazr*), green lush grass (*nohan sör*), warm air (*dulan*), healing water (*arshan*). *Enkr chazr-usn* ‘dear motherland’, *eedzh-aavin nutg* ‘mother-father’s nutg’ is the highest value of the Kalmyk (*törl ek met*), and is presented as ‘his space’ (*evrä hazr-usn*), opposed to ‘foreign land’ (*khärin hazr*). The postulates of behavior regarding the homeland: to cherish and love the homeland, to give one’s life for the homeland, to return to the homeland, to know its customs.

Keywords: Kalmyk language, linguoculture, concept, wealth, conceptual, figurative, value concept components

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-28-00790 ‘Axiological Aspects of the Kalmyk Worldview’ (https://rscf.ru/prjcard_int?23-28-00790).

For citation: Esenova G. B., Esenova T. S. The Concept of “Homeland” in the Kalmyk Language (on lexicographic and folklore material). *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 577–590. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-577-590

1. Введение

В картине мира разных народов высшей ценностью признается родина, определяющая внутренний мир человека, его миропонимание. Связь человека с родиной, основанная на древнем архетипе родины-матери, формируется с раннего детства. Не случайно поэтому родина ассоциируется с местами и людьми, которые близки человеку с рождения и с которыми у него существует духовная связь.

«Родина» в монголистике имеет определенную историю изучения: рассматривается как концепт в мировоззрении монгольских народов [Содномпилова 2007], в калмыцкой лингвокультуре [Аюшова 2008; Есенова 2012], как культурная константа [Наванзоч 2015]. Анализируя понятие «родина», исследователи обращаются к общемонгольскому термину *нутг*. *Нутг* рассматривается не только как «кочевье», «пространство этноса», но и как «место рождения и обитания человека» [Содномпилова 2007; Бакаева 2011], «малая родина» [Терентьев 2018а; Терентьев 2018б], с точки зрения репрезентации образа *нутук* в лирике Осорин Утнасн [Топалова 2016], анализируются практики воскурения нутуку дербетов Монголии [Орлова 2015; Орлова 2016] и других этнических групп ойратов и калмыков [Бакаева 2018]. Э. П. Бакаева рассматривает «*һазр-усн* как территорию, имеющую собственного духа-покровителя, или хозяина местности» [Бакаева 2011: 106], относит к топосам калмыков. Все это свидетельствует о значимости концепта «родина» в картине мира монгольских народов, в том числе калмыков. Этим обосновывается актуальность проведенного нами исследования.

2. Материалы и методы исследования

Материал для исследования составили данные, извлеченные методом сплошной выборки из словарей калмыцкого языка, Словаря языка ойратов Синьцзяна и Этимологического словаря монгольских языков. В работе применялись методы сравнительного, лексико-семантического, контекстуального и лингвокультурологического анализа.

3. Анализ понятийного содержания концепта

Согласно Словарю синонимов калмыцкого языка, синонимический ряд понятия «родина» включает *һазр-усн*, *төрскн һазр* [ССКЯ 2002: 55]; *төрскн*; *ээж-аавин нутг* [ССКЯ 2002: 159]. Лексико-семантический анализ языковых единиц, содержащих сему 'родина', проведенный на базе словарей калмыцкого языка, позволил установить семантическое поле «родина». К средствам обозначения данного концепта мы относим следующие единицы: *һазр-усн* 'родина, букв. земля-вода', *төрскн* 'родина, отечество, отчизна'; *ээж-аавин нутг* 'родина, букв. нутг матери-отца', *төрскн һазр* 'родина, отечество, букв. место рождения', *нутг* 'родное место, родина', *төрскн нутг* 'родина, родное место', *эк орн* 'родина, букв. мать-страна', *мана төрскн орн* 'наша родная страна', *төрл эк орн-нутг* 'родная страна, родина-мать', *нутг-нурһн* 'страна, родина', *төрскн орн-нутг* 'родина', *орн-нутг* 'родина'. Как видно из приведенных примеров, *һазр-усн*, *төрскн*, *нутг*, *орн-нутг* являются ключевыми единицами, формирующими семантическое пространство «родина». Среди маркеров концепта присутствуют, помимо лексических единиц, словосочетания, парные слова, образовавшиеся в ходе постепенного осмысления понятия «родина», и словосочетание *эк орн*, редко используемое в современной речевой практике.

Рассмотрим последовательно средства вербализации концепта «родина» в калмыцком языке.

3.1. *Һазр-усн*

Данное обозначение состоит из двух слов, каждое из которых относится к ядерной лексике: *һазр* ‘земля, почва’, *усн* ‘вода’. *Һазр* восходит к старописьменному *γaġar* (**γadal-r?*), в современных монгольских языках представлены: халх., бур. *газар*, калм. *һазр*, мнгр., бао. *баджир*, даг. *гаджир*, дунс. *баджа* ‘земля, почва; местность, место, пункт; расстояние’; халх., бур. ‘учреждение, присутственное место, орган’ [ЭСМЯ 2016: 16]. В монгольских языках у слова *һазр* образовались значения ‘местность, место, пункт; расстояние; учреждение, присутственное место, орган’ — наблюдается расширение семантики данного слова. Перенос значения происходил в результате обобщения от частного к общему, более абстрактному, что свидетельствует о расширении и усложнении пространственных представлений народа в ходе освоения территорий. Анализ дистрибуции слова показывает, что имя существительное *һазр* не имеет ограничений в употреблении, сочетается с разными частями речи, образует свободные и устойчивые (*хонга һазр* ‘расстояние в сутках езды’, *харани һазр* ‘расстояние, видимое глазом’ и др.) обороты речи.

Имя существительное *усн* восходит к старописьменному *usun* [**u-sun*, ср. *ulut*], представлено в современных монгольских языках: в халх. *ус(ан)*, бур. *уһан*, калм. *усн*, мнгр. *сдзу* (*фудзу*), бао. *сэ*, даг. *ос* (*осо*), дунс. *эсэ* ‘вода’; (разг.) ‘река’; (перен.) ‘воды’; ◇ — др.-тюрк. *sub, suv, suy* ‘вода’; маньчж. *fusu* ‘брызгать’ [ЭСМЯ 2018: 204]. В разговорной речи слово имеет значение «река». Анализ дистрибуции слова *усн* показывает, что оно употребляется с разными частями речи, в разных синтаксических позициях в предложении, входит в состав свободных и устойчивых оборотов речи (*амтаһн усн* ‘пресная вода’, *гүүдг усн* ‘проточная вода’, *ус теех* ‘рожать, родить’ и др.) и терминов (*усна үкр* ‘буйвол’, *усна жаһамул* ‘водяной лук’).

Слово *һазр* имеет дериваты (это формы *һазрго* ‘не имеющий земли’, ‘безземельный’, *һазрлх* ‘возвращаться на родину; оседать на жительство; идти по знакомому месту, чувствовать под ногами землю’ [КРС 1977: 152-153; ТСКЯ 2020: 86–87; ТСКЯ 2021: 191]. Среди дериватов *усн* следует назвать: *уснго* ‘безводный’, *усрхг* ‘обильный водой’, *усрхх* ‘стремиться к воде; хотеть пить о скоте в знойную пору’ [КРС 1977: 538; ТСКЯ 2020: 327; ТСКЯ 2022: 250].

Слово *һазар* в языке ойратов Синьцзяна, как и в калмыцком языке, используется в прямом и переносном значениях [СЯОС 2001: 98]. Слово *усан* употребляется в значениях ‘вода, водный, водяной’ [СЯОС 2001: 358]. *Һазар* и *усан* активно участвуют в словообразовании. От *һазар* образованы такие производные слова, как *һазардаха* ‘опускаться на землю, приземляться’, *һазаршиха* ‘привыкать к местности, приживаться, акклиматизироваться’ [СЯОС 2001: 98]. Словообразовательная парадигма *усан* включает *усархаг* ‘богатый, обильный водой’, *усархаха* ‘стремиться к воде, хотеть пить’, *усачиха* ‘плавать, плыть’, *услуур* ‘водопой’ [СЯОС 2001: 358]. Сочетанием имен существительных образованы биномы *һазар-усан*, *һазар-нутаг* с значением ‘земля, территория’; абстрактное значение ‘родина’ в этих единицах не отмечается [СЯОС 2001: 98]. Как видим, в языке ойратов Синьцзяна в слове *һазар* и его производных реализуется зна-

чение «земля, территория», не фиксируется значение «родина» и в бинамах, образованных на базе имен существительных *һазр* и *усн*.

Итак, анализ семантической структуры слов *һазр* и *усн*, сочетанием которых в калмыцком языке называется концепт «родина», свидетельствует об актуальности смысла, стоящего за данными лексическими единицами, для ментального мира калмыков — кочевников-скотоводов, жизнь которых зависит от земельных и водных ресурсов. Абстрактное значение «родина» появилось по мере роста сознания человека, в ходе соотнесения себя с определенной территорией (*һазр*), водными источниками как важными для жизни ресурсами (*усн*). Такие ассоциации возникли не случайны, обусловлены кочевым образом жизни и скотоводческим видом хозяйственной деятельности калмыков, когда люди перемещаются вслед за скотом на земли с богатым травостоем и водными источниками. Связь понятия «родина» с водными ресурсами подчеркивает важность природных особенностей в формировании представления о «родине», поскольку водоемы часто служат определяющими элементами территориальной идентичности этноса (например: *Ижил Һолын моңһлчуд* «волжские монголы» — о калмыках). Калмыцкая этнокультурная специфика рассматриваемого ментального образования состоит в осмыслении его через *һазр* «землю» и *усн* и «воду».

3.2. Төрскн / төрсн һазр

Маркер концепта «родина» *төрскн / төрсн һазр* «родина, отечество» образован от *төрх* «рождаться»; *көвүн төрж* «родился мальчик» [КРС 1977: 515]; *төрх* «рождаться, появляться» [ТСКЯ 2002: 114]; *Уһнн көвүн төрэд, эднэ бүл өсэд, эврэ патър кергтэ болв* «Родился старший сын, семья увеличилась, понадобилась своя квартира» [ТСКЯ 2020: 311; ТСКЯ 2022: 206]. В языке ойратов Синьцзяна глагол *төрехе* также имеет значение «рождаться, появляться на свет (о человеке)»; *һазарлаа һацалцан төрегсен, теңгерлээ тегелцен төрегсен* «родился таким, что мог соперничать с землей, мог состязаться с небом»; *күүкен төревел, күменде однаа, көвүүн төревел, гер авнаа* «если рождается дочь, то выходит замуж, если рождается сын, то женится»; *муу күменээсе баса өре жөөлен, ухаатаа, сээн күмен төредег бээнэ* «и от плохого человека может родиться сердечный, умный и добрый человек» [СЯОС 2001: 339].

По данным ЭСМЯ, *төрх* восходит к старописьменному монгольскому *törü*²-. Данному слову соответствуют: в халх., калм. *төр-*, бур. *түрэ-*, даг. *турэ-*, мнгр. *туро-* «родить(ся); появляться, возникать»; ◇ → кирг. *төрө-* «родить», но др.-тюрк. *torü-* «происходить, возникать, рождаться; рожать» [ЭСМЯ 2018: 178].

Словосочетания *төрскн һазр* «родная земля, букв. земля, где родился», *төрсн һазр-усн* «букв. земля-вода, где родился» [КРС 1977: 515]; *төрсн-һарсн һазр* «земля, где родился, появился» [ТСКЯ 2020: 311; ТСКЯ 2022: 206] передают значение «родина, место рождения». В языке ойратов Синьцзяна слово *төрскн* не фиксируется, отмечается словосочетание *төрекиин (төрмел) нутаг* со значением «родное кочевье, родная сторона» [СЯОС 2001: 338].

По мнению исследователей, «современное осмысление понятия „родная земля“ (*турэһэн газар*) у монгольских народов включает совокупность следующих представлений: место, где захоронен послед человека» [Содномпилова 2007: 132], место «закапывания пуповины в родную землю» [Bulag 1998: 175].

3.3. Нутг

Слово *нутг* относится к ядерной лексике монгольских языков. Согласно ЭСМЯ, *нутг* восходит к старописьменному *nutuγ* (←* *nuntuγ* ~ *nintuγ*). В современных монгольских языках данное слово имеет следующие соответствия: в халх. *нутаг*, калм. *нутг*, мнгр. *pontog*, мог. *нунтук*, бур. *нютаг*, даг. *нотог* ‘кочевье; родное место, родина по месту рождения’ [ЭСМЯ 2016: 208].

В калмыцком языке слово *нутг* является полисемантом, имеет следующие значения: «1) родное место, родина, родной улус; 2) владения; 3) кочевье, место откочевки» [КРС 1977: 387]. Толковые словари калмыцкого языка по-разному квалифицируют значения данного слова с точки зрения современной речевой практики. Первые два значения в Словаре под редакцией Б. Д. Муниева имеют помету ограниченности в дистрибуции (ист. — историческое, фольк. — фольклорное), третье квалифицируется как нейтральное [КРС 1977: 387]. По данным новых словарей калмыцкого языка, первым значением слова *нутг* является ‘родное место, родной улус’: *Баһ Чонса нутгин улс жил болһн Овата селәнд хурж, байран давулдһн сән авъяст тохрсинь темдгх кергтә* ‘Следует отметить хороший обычай, когда люди из бага-чоносовского нутуга ежегодно встречаются в селе Овата’ [ТСКЯ 2020: 232; ТСКЯ 2021: 563–564]. Вторым значением является «родина»: *Эндр та далн тавтат, эңкр нутгтан ода чигн цергләт, эрүл-менд, зу наслтн!* ‘Сегодня вам 75 лет, до сих пор служите дорогой родине; будьте здоровы, живите до ста лет!’ [ТСКЯ 2020: 232; ТСКЯ 2021: 563–564]; третьим значением является значение «владения».

Только одно из трех значений новыми словарями калмыцкого языка квалифицируется как «ограниченное в дистрибуции» («владение»). Изменения в лексикографической оценке семантики слова *нутг*, вероятно, можно объяснить современными процессами. В настоящее время в условиях возрождения исторической памяти наблюдается возвращение слов, которые обозначают этнокультурные понятия, связанные с кочевым прошлым калмыцкого народа. В языке ойратов Синьцзяна в слове *нутаг* фиксируются два значения, они не имеют помет об ограниченности в дистрибуции. Исходным значением является ‘родное место, родные кочевья’: *Зәәһиин торһууд нутагааса зәәдесе гегәэд нүүлә би, зайаасан Или, Текестәән зайааһааран ирежи буулаа биден* ‘Из кочевий уральских торгутов мы откочевали, чтобы от них отделиться и осесть на Или и Текесе, [кочевье,] дарованном нам судьбой’ (из песни «*Ижһил һоһиин усан*» ‘Воды реки Волги’) [СЯОС 2001: 254]. Вторым значением слова является ‘местность, место кочевки; владение’: *Танаа нутаг эндәәсе холо бәәнүү?* ‘Далеко ли находится ваше владение?’; *Нутагта үлдесен кесег йума авчи ирехе* ‘Привезти то, что осталось на месте кочевки’ [СЯОС 2001: 254]. Значение «родина» в слове *нутаг* не регистрируется.

Активно употребляется в калмыцкой речи глагол *нутгх* ‘обитать, жить в какой-л. местности’: *бидн энд зундунь нутгдвдн* ‘летом мы живем здесь’ [КРС 1977: 387]; *зунднь бидн энд нутгдвидн* ‘летом мы живем здесь’; *Эднә эк-эцкнр ики эрт 1918 жһилд, зулад һарч одцхаж, тегәд доран нутглж бәәхәр Польшит үлдцхәсн болж һарв* ‘Оказалось, что их родители давно, в 1918 г., уехали, поэтому, чтобы осесть там, остались в Польше’ [ТСКЯ 2020: 232; ТСКЯ 2021: 564]. В языке ойратов Синьцзяна глагол *нутаглаху* ‘обитать, жить в какой-л. местности, проживать’ также активно употребляется в речи: *манаа авһа зундани талдаан*

һазарта нутаглана ‘наш дядя летом живет в другой местности’ [СЯОС 2001: 254].

Значения производных слов связаны с идеей «поселения, заселения, «проживания»: *нутгэлһн* ‘id’ от *нутгх* ‘поселение, заселение’; *нутглулһн* ‘id’ от *нутгх* ‘поселение’; *нутглух* побуд. от *нутгх* ‘поселить’; *нутгшах* побуд. от *нутгх* ‘заселять, заставляя обживать место’; *нутгулх* побуд. от *нутгх*; *нутгх* 1) осваиваться; привыкать к новому местожительству; акклиматизироваться 2) продолжительно находиться на одном кочевье (в одной местности)’ [КРС 1977: 387; ТСКЯ 2020: 232; ТСКЯ 2021: 563–564]; *нутагшиха* ‘осваиваться, привыкать к новому местожительству; акклиматизироваться’; *нүүжэ иресен һазартаан нутагшиха* ‘привыкать к месту прикочевки’; *нутагжыха* ‘продолжительно находиться в одном кочевье, жить долгое время в одной местности’ [СЯОС 2001: 254].

В калмыцком языке у слова *нутг* выделяется значение «родина», «родное место»; в языке ойратов Синьцзяна у слова *нутг* отсутствует данное значение.

В калмыцком языке значение «родина» имеет парное слово *нутг-нурһн*: *нутг-нурһн талан одх* ‘побывать в родных местах, побывать у себя на родине’; *нутг-нурһн талан хэрү ирһн* ‘возвращение на родину, репатриация’; *нутг-нурһан сансн көвүн, нууран сансн һалунла эдл* погов. ‘мальчик, соскучившийся по родине, подобен гусю, соскучившемуся по озеру’ [КРС 1977: 387].

В языке ойратов Синьцзяна словосочетание *нутаг нурһан* также имеет значение ‘родные кочевья, родина’: *үзескелеңте сээхен нутаг нурһани үнсен, тоосон болаад дуусжаа* ‘его прекрасные родные кочевья превратились в пепел и пыль’; *нутаг нурһандаан хэрсэ гежи бээнэ би* ‘собираюсь вернуться в свои кочевья’; *бум күцегсен нутаг нурһатаа Бумбиин орон гедег билэ манииги* ‘нас называли бумбайской страной численностью в сто тысяч кочевий’; *нутаг нурһан цуһаар амар сээхен бээнүү? Аха-дүү бүгдээрэн амар сээхен бээнүү?* ‘Благополучна ли вся родина? Благополучны ли все там живущие?’ [СЯОС 2001: 254].

Таким образом, в результате расширения семантики по типу «частное-общее»: от конкретного ‘места откочевки’ [КРС 1977: 387], ‘родного места’, ‘родных кочевий’ [СЯОС 2001: 254], ‘родины по месту рождения’ [ЭСМЯ 2016: 208], → ‘родине’ [ТСКЯ 2020: 232; ТСКЯ 2021: 563–564] — в данном слове образовалось значение «родина, родное место».

Следует отметить, что слово *нутг* рассматривалось исследователями в ходе изучения истории, культуры, менталитета монгольских народов. *Нутг* понимается как «часть пространства, на котором в данный момент проживает общество» [Кычанов 1997: 184], как высшая ценность и единство коллектива [Викторова 1980: 111], место рождения, родина, родная земля, «место, где захоронен послед человека; находятся могилы предков; располагаются семейные и родовые культовые места» [Содномпилова 2007: 132], как ассоциат малой родины, которая «в самосознании монголов связывается с родным ландшафтом и конкретными природными объектами» [Терентьев 2018а; Терентьев 2018б]. Э. П. Бакаева понимает *нутг* как обозначение «места кочевий, владения, а конкретно в период миграции, когда менялись территории, — и сам движущийся улус, т. е. население»; «как представление о родной земле, как место рождения и обитания предков, характерные для календарной и погребальной обрядности» [Бакаева 2011: 99].

Итак, *нутг* является одним из обозначений концепта «родина» с ассоциативными признаками ‘место рождения’, ‘место упокоения предков’, ‘родовые культовые места’, ‘родной ландшафт’.

3.4. *Эк орн / Орн нутг*

Данное обозначение образовано именами существительными *эк* и *орн*.

По данным ЭСМЯ, *орн* восходит к старописьменному *oron* [$\leftarrow$ **oran*: **ora-n*?]. В современных монгольских языках данное слово имеет следующие формы: в халх. *ор(он)*, бур. *орон*, калм. *орн* ‘место; кровать, (иногда) постель; (ист.) трон, престол; (неол.) вакансия, штатная единица; бур., калм. ‘местность’; бур. ‘учреждение, предприятие’; халх. ‘основание, довод’; халх. *орон* ‘страна, местность; жилище, кров’; бао. *орон*, дунс. *орон* ‘место, местность’; даг. *ор* ‘место; скарб; место хранения одежды’; ◇ — др.-тюрк. *orun* ‘место, трон, престол’; кирг. *орун* ‘место; постель’; маньж. *oron* ($\leftarrow$ монг.) ‘место, область; вакансия’ [ЭСМЯ 2016: 215]. Как показывает анализ, в современных монгольских языках у слова *орн* отмечается разброс значений, однако в большинстве языков, как и в древнетюркском, киргизском и маньчжурском, регистрируется значение «место, местность», на базе которого образовалось значение «страна».

В современном калмыцком языке в результате расщепления значений многозначного слова *орн* образовались омонимы: *орн* I ‘страна’, ‘держава’, ‘государство’ и *орн* II ‘кровать, постель, койка’ [КРС 1977: 403; ТСКЯ 2020: 241; ТСКЯ 2022: 26]. В языке ойратов Синьцзяна также образовались два слова: *орон* 1) ‘страна, держава’; 2) ‘край, местность’ и *орондаг*, *орон* ‘кровать, койка’ [СЯОС 2001: 264].

В калмыцком языке в слове *орн* I выделяется значение ‘государство, страна’ [КРС 1977: 403; ТСКЯ 2002: 90; ТСКЯ 2020: 241; ТСКЯ 2022: 26], ‘держава’ [КРС 1977: 403; ТСКЯ 2002: 90]. В языке ойратов Синьцзяна слово *орон* является полисемантом. Его первое значение — ‘страна, держава’: *манаа оронда олон зүсен келен амтес суужаа* ‘в нашей стране проживает много людей разных национальностей’; *эке ораан харсаха* ‘защищать свою страну, свою родину’; *орон нутаг* ‘страна, держава’ [СЯОС 2001: 264]. Второе значение — ‘край, местность’: *эне уулархаг орон* ‘это гористая местность’; *шовууд дулаан орон тала нисдег* ‘птицы летят в теплые края’ [СЯОС 2001: 264]. Как и в калмыцком языке, в языке ойратов Синьцзяна *орон* не имеет значение ‘родина’.

Значение ‘родина’ реализуется в словосочетании *эк орн*, которое регистрируется только Словарем под редакцией Б. Д. Муниева и сопровождается пометой *редко* [КРС 1977: 403]. В значении *орн-нутг* присутствует коннотативный компонент ‘высокий, официальный’ (‘страна, держава, государство’): *олн-амтни демократии орн-нутгуд* ‘страны народной демократии’; *пролетариатын диктатурин орн-нутг* ‘государство диктатуры пролетариата’ [КРС 1977: 403]; *орн-нутг* ‘держава, государство’; *күчтэ орн-нутг* ‘великая держава’, *төвкнүн бээхд дурта орн-нутгуд* ‘миролюбивые государства’, *орн-нутгин межэ* ‘государственная граница’, *орн-нутгин ору* ‘государственный доход’, *орн-нутгудын хоорндк бооцан* ‘межгосударственные соглашения’; *Кесг орн-нутгудыг Көк теңгс асрна* ‘Многие государства кормит Черное море’ [ТСКЯ 2020: 241; ТСКЯ 2022: 26].

В языке ойратов Синьцзяна не регистрируется словосочетание *эк орн*. Думаем, что в калмыцком языке словосочетание *эк орн* стало использоваться для

обозначения понятия «родина» по аналогии с русским «родина-мать». Отметим, что среди маркеров концепта «родина» в калмыцком языке имеются номинации с участием *эк* ‘мать’, *ээж* ‘матушка’, *аав* ‘отец’: *ээж-аавин нутг* ‘родина, букв. нутг матери-отца’, *төрл эк орн-нутг* ‘родная страна’.

Таким образом, анализ показал: а) наличие в калмыцком языке инвентаря единиц для обозначения концепта «родина», которые этимологизируются на монгольской языковой почве; б) «проработанность» концепта калмыцким языковым сознанием: отмечаются диахронические изменения в семантике одного из вербализаторов (*нутг*); образование маркеров концепта путем сочетания лексических единиц (*һазр-усн*, *ээж-аавин нутг*, *төрсн һазр*, *төрсн нутг*, *эк орн*, *мана төрсн орн*, *төрл эк орн-нутг*, *нутг-нурһн*, *төрсн орн-нутг*, *орн-нутг*) и переход одного из средств в редко используемые единицы (*эк орн*). Все это свидетельствует о значимости концепта «родина» для картины мира калмыков. Изучение синтагматических связей обозначений концепта позволило выделить признаки концепта «родина»: территория (*һазр*, *орн*); место, где родился человек (*төрсн / төрсн һазр*); место кочевания (*нутг*); с водными ресурсами (*усн*).

4. Анализ образного и ценностного содержания концепта

Фольклорные тексты, в состав которых входят маркеры концепта «родина», составили интерпретативное поле рассматриваемого ментального образования. Образ родины создается через противопоставление «свой — чужой», «мать — мачеха», основанием для которого являются признаки «цвет» (зеленый — черный), «температура» (зима, холод — весна, тепло), «тактильная характеристика», а также через характеристику почвы, растительного покрова земли, воздуха, воды, животного мира. В целом в паремиях родина наделяется жизнеутверждающими характеристиками, чужбина — губительными для человека свойствами, более того она сравнивается с адом (*Таньдг уга һазр там адл* ‘Незнакомая земля все равно что ад’ [ПП 2007: 191]).

Колористическая характеристика родины — зеленая; чужбины — черная: *Эврә һазрин үл чигн ноһан, күмни һазрин һавр чигн хар* ‘На своей земле и зимой все зелено, а на чужой и весной все черно’ [ПП 2007: 86]. Температурная характеристика родины — теплая, чужбины — холодная: *Эврә һазр усн дулан, һарин һазр киитн* ‘От своей земли веет теплом, от чужой — холодом’ [ПП 2007: 86]. Очевидна ассоциация родной земли с весной, визуализируется образ родины в самую живописную пору следующим образом: *Күмни герт намр, эврә герт һавр* ‘У чужих людей словно осень, у себя дома словно весна’ [ПП 2007: 115], *Әәлд одхд намр, гернтән һәрхд һавр* ‘В гостях чувствуешь себя как по осени, а у себя дома как по весне’ [ПП 2007: 98]. Притягательный образ родины актуализируется благодаря тактильной характеристике земли: *Төрсн һазрин шора жәөлн* ‘Где родился, там и земля мягкая’ [ПП 2007: 83]. Этому способствует и характеристика сочной травы, которой покрыта родная земля: *Туулад төрсн сөг үнтә* ‘Зайцу дорога родная низина, где сочная трава’ [ПП 2007: 83].

Анализ показывает, что образная составляющая концепта осмысливается через человека: *Уудг усн урсхулта, урһсн һазр тааста* ‘Питьевая вода проточна, а земля, где ты вырос, милая родина’ [ПП 2007: 84]; *Күлг ижәлән хәәдг, күн һазран сандг* ‘Скакун рвется к своему табуну, человек тоскует по родному краю’ [ПП 2007: 86]; *Нутган сансн көвүн, нууран сансн һалун* ‘Юноша, скучающий по

родным местам, гусь, тоскующий по своим озерам' [ПП 2007: 86]; *Төрсн хазр төрл эк мет, хэр хазр хөөт эк мет* 'Родина как мать родная, а чужбина словно мачеха' [ПП 2007: 83]. Глубокую привязанность калмыка к родине передают образы скакуна, рвущегося к своему тауну, гуся, тоскующего по родному озеру. Родина персонифицируется в образе самого дорогого существа — матери.

Родина характеризуется как место силы (*Унсн кун хазр туишж босдг* 'Упавший встает, опираясь на землю' [ПП 2007: 84]), этнокультурной идентичности (*Уусн усн урсхулта, урһсн хазр зокалта* 'Питьевая вода имеет течение, а возрасшая земля имеет свои обычаи' [ПП 2007: 84]), чувств (*Суусн хазр зовлцта, соңсн хазр жүрһлтә* 'Земля, где живешь, полна страданий, а земля, о которой слышишь, полна счастья' [ПП 2007: 84]).

Итак, в картине мира калмыков родина — это «свое пространство» (*эврә хазр*), характеризующееся признаками *жөөлн* 'мягкий', *дулан* 'теплый', *алтн* 'золотой', *ноһан сөг* 'с зеленой сочной травой', *аршан* 'с целебными водами', противопоставленное «чужой земле» (*хэр хазр*). Перцептивный образ родины персонифицирован: *эңкр хазр-усн* 'милая родина', *ээж-аавин нутг* 'родина, букв. нутг матери-отца', *төрл эк мет* 'подобная матери'.

Аксиологическая составляющая концепта выделяется в ходе анализа обозначений концепта (*ээж-аавин нутг* 'родина, букв. нутг матери-отца', *эк орн* 'родина, букв. мать-родина'), а также паремии с использованием маркеров концепта. В паремии родина сравнивается с теми субъектами и объектами, которые составляют ценность:

— матерью (*Төрсн хазр төрл эк мет, хэр хазр хөөт эк мет* 'Родина как мать родная, а чужбина словно мачеха' [ПП 2007: 83]),

— солнцем (*Нарна нилчиг тоолж болии уга, хазрин оруг барж болии уга* 'Блага солнца не счесть, богатства земли не исчерпать' [ПП 2007: 85]),

— *аршаном* 'целебная вода' (*Урһсн хазрин усн аршан, төрсн хазрин шора эм гидг* 'Говорят, вода той земли, на которой вырос, словно *аршан*, а пыль той земли, где появился на свет, словно лекарство' [ПП 2007: 83]),

— золотом (*Уусн усн аршан, унсн шора алтн* 'Вода, которую пил, словно *аршан*, целебна, а земля, на которой родился, словно золотая' [ПП 2007: 86]),

— подпотником *делтр* (*Дееврин чинән алтнас делтрин чинән хазр деер* 'Чем золото величиной с кошмовое покрывало юрты, лучше земля величиной с подпотник' [ПП 2007: 84]).

В паремической разновидности картины мира калмыков родина сравнивается с матерью (*эк*), золотом (*алтн*), солнцем (*нарн*), *аршаном* (*аршан*), *делтыром* (*делтр*), с которым неразлучен калмык-наездник. В последних двух объектах сравнения прослеживается этнокультурный компонент осмысления изучаемого ментального образования.

Лингвокультурологический анализ материала позволяет выделить следующие поведенческие константы:

— береги родину (*Төркснән эврәннь нүднлә әдл хар* 'Родину береги, как зеницу ока' [ПП 2007: 83]),

— люби родину (*Төрксндән дурта кун дээсиг дилхд дөт* 'Кто любит родину, тому легче дается победа' [ПП 2007: 83]),

— отдай жизнь за родину (*Эврәннь төлә инәһәд, нутгиннь төлә үкв* 'Живи весело, с улыбкой, но придет час, умирай за свои родные места (родину)' [ПП 2007: 86]),

— служи родине (*Тоомсрта залу нутгин төлэ зүткдг, тоһстн шовун сүүлэн хэлэж нигдг* ‘Почитаемый мужчина заботится о благе родины, павлин же заботится только о своем хвосте’ [ПП 2007: 21]),

— прославляй родину (*Гертэн уңгиннь нер дуудул, хэрин һазрт төрскнәннь нер дуудул* ‘Дома чти и славь своих предков, в чужом краю прославляй честь своей Родины’ [ПП 2007: 96]),

— возвращайся на родину (*Нүүсн нутган хэрү һурв эрг* ‘На кочевье, которое оставил, возвращайся трижды’ [ПП 2007: 86], *Чонын кичгүд цадхларн, уул хэлэдг, күүнэ үрдүд өлсхлэрн, герэн темүдг* ‘Волчата, насытившись, в сторону горы смотрят, дети, проголодавшись, стремятся домой’ [ПП 2007: 94]),

— знай обычаи своей родины (*Уусн усн урсхулта, урһсн һазр зокалта* ‘Питьевая вода имеет течение, а взрастившая земля имеет свои обычаи’ [ПП 2007: 84]),

— будь осторожен в чужой стороне (*Күүнэ һазр күндтэ, көлэн чикэр ишк* ‘Чужая сторона строга, следи за каждым шагом’ [ПП 2007: 114]),

— на чужбине живи по ее законам (*Аль һазр одвл, тер һазрин ду дуулх* ‘Петь песни той стороны, куда приехал’ [ПП 2007: 84]).

Благодаря приемам сравнения и противопоставления, образ родины визуализируется как пространство с характеристиками *жөөлн* ‘мягкий’, *дулан* ‘теплый’, *алтн* ‘золотой’, *ноһан сөг* ‘с зеленой сочной травой’, *аришан* ‘с целебными водами’. Милая родина (*эңкр һазр-усн*), земля предков (*ээж-аавин нутг*) составляет высшую ценность калмыка (*төрл эк мет*). Родина осмысливается как часть «своего пространства» (*эврэ һазр*), противопоставленного «чужому пространству» (*хэр һазр*), «черному» (*хар*), «холодному» (*киитн*), полному опасностей, где рекомендуется быть осторожным, соблюдать законы чужой стороны. Относительно родины выстраиваются рекомендации: беречь, любить, прославлять родину; служить родине; отдать жизнь за родину; возвращаться на родину; знать ее обычаи.

В настоящее время возрождается традиция почитания родовой земли, поклонения ей. Многие калмыки совершают обряд *һазр тэклһн* ‘жертвоприношение духам-хозяевам местности’, для этого выезжают на родину предков. Аналогичные обычаи характерны для всех этнических групп бурят [Содномпилова 2007: 127], у монголов принято посещать родовые места при жизни и «возвращаться умирать на свои родные кочевья» [Bulag 1998: 175]. Все это свидетельствует о сакрализации родины; совершая обряд почитания родных мест, человек восстанавливает связь со своей родиной, родовой землей.

5. Заключение

В калмыцком языке концепт «родина» представлен в виде развернутой системы, включающей инвентарь средств, детализирующих представления этноса о данном ментальном образовании. Все единицы, входящие в семантическое поле концепта, относятся к ядерной лексике, этимологизируются на монгольской языковой почве. Именем концепта является бином *һазр-усн*, указывающий на то, что центральное место в калмыцком понимании «родины» занимают «земля» и «вода». Этнокультурная специфика осмысления «родины» калмыцким народом обусловлена скотоводческим видом хозяйственной деятельности и кочевым образом жизни. В языковом сознании калмыков родина — это территория (*һазр*, *орн*), с водными источниками (*усн*), где родился человек (*төрскн / төрсн һазр*),

где он обитает (*нутг*). Это высшая ценность калмыка (*төрл эк мет*), «свое пространство» (*эврэ һазр*), противопоставленное «чужой земле» (*хэр һазр*). Образ родины визуализируется как золотая (*алтн*), мягкая (*жөөлн*) земля, покрытая зеленой сочной травой (*ноһан сөг*), с целебными водами (*аршан*), теплым воздухом (*дулан*). Постулаты поведения калмыка: беречь, прославлять, любить родину, отдать жизнь за родину, служить родине, возвращаться на родину, знать ее обычаи. Ассоциативная связь родины с матерью (*эк*), матерью (*ээж*), отцом (*эцк*), сакрализация родных мест, бытование обряда жертвоприношения духам-хозяевам местности (*һазр тәклһн*), а также поведенческие константы указывают на значимое место концепта «родина» в картине мира калмыцкого народа.

Сокращения

бао. — баоаньский;
бур. — бурятский;
даг. — дагурский;
др.-тюрк. — древнетюркский;
дунс. — дунсянский;
калм. — калмыцкий;
кирг. — киргизский;
маньж. — маньчжурский;
мнгр. — монгорский;
халх. — халхаский.

Источники

- КРС 1977 — Калмыcko-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- ПП 2007 — *Тодаева Б. Х.* Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- ССКЯ 2002 — *Монраев М. У.* Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: НПП «Джангар», 2002. 208 с.
- СЯОС 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- ТСКЯ 2002 — *Манджикова Б. Б.* Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: НПП «Джангар», 2002. 176 с.
- ТСКЯ 2020 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. 444 с.
- ТСКЯ 2021 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 тт. Т. 1. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. 574 с.
- ТСКЯ 2022 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 тт. Т. 2. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. 590 с.
- ЭСМЯ 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- ЭСМЯ 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- ЭСМЯ 2018 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 3. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.

Sources

- Mandzhikova B. B. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. Elista: Dzhangar, 2002. 176 p. (In Kalm. and In Russ.)
- Monraev M. U. Dictionary of Kalmyk Synonyms. Elista: Dzhangar, 2002. 208 p. (In Kalm. and in Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and In Russ.)

- Pyurbеev G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. Elista: Kalmyk State University, 2020. 444 p. (In Kalm. and In Russ.)
- Pyurbеev G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. In 2 Vol. Vol. 1. Elista: RIA Kalmykia, 2021. 574 p. (In Kalm. and In Russ.)
- Pyurbеev G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. In 2 Vol. Vol. 2. Elista: RIA Kalmykia, 2022. 590 p. (In Kalm. and In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 Vol. Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong., In Kalm., etc.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 Vol. Vol. 2. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong., In Kalm., etc.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 Vol. Vol. 3. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong., In Kalm., etc.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat. Elista: Kalmyk Book Publ., 2001. 493 p. (In Oir. and In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Kalmyks of Russia and Oirats of China: proverbs, sayings, and riddles. Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Oir., In Kalm. and In Russ.)

Литература

- Аюшова 2008 — *Аюшова Ц. Н.* Концепт «Родина» в калмыцкой лингвокультуре // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. Вып. 1. Элиста: Калм. ун-т, 2008. С. 58–61.
- Бакаева 2011 — *Бакаева Э. П.* «Нутук»: к вопросу о понятии «кочевье» и территории расселения ойратов (на материалах фольклора) // Монголоведение. 2011. № 5. С. 96–108.
- Бакаева 2018 — *Бакаева Э. П.* Буддизм калмыков и ойратов: обряды подношений предкам и духам-хозяевам территорий (некоторые аспекты) // Тибетология и буддология на стыке науки и религии-2018. Труды Института востоковедения РАН. Т. XXX / отв. ред. выпуска С. Л. Кузьмин, Т. Л. Шаумян. М.: ИВ РАН, 2019. С. 39–66.
- Викторова 1980 — *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
- Есенова 2012 — *Есенова Т. С.* Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста: Калм. ун-т, 2012. 160 с.
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.
- Наваанзоч 2015 — *Наваанзоч Х. Цэдэв.* Культурная константа «Родина» у кочевников — монголов и казахов // Мир Большого Алтая. 2015. № 1. С. 89–93.
- Орлова 2015 — *Орлова К. В.* К исследованию этнических маркеров дербетов Монголии: текст воскурения «духам-хозяевам» кочевий // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 79–95.
- Орлова 2016 — *Орлова К. В.* Воскурение нутуку дербетов Монголии // Восток. 2016. № 6. С. 132–141.
- Содномпилова 2007 — *Содномпилова М. М.* Концепт «Родина» в мировоззрении монгольских народов // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 117–124.
- Терентьев 2018а — *Терентьев В. И.* «Нутаг» как понимание образа малой родины у современных монголов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. 2 (20). С. 91–99. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-2-91-99
- Терентьев 2018б — *Терентьев В. И.* Представление о нутаге у городских монголов // Төв Ази болон Монгол дахь угсаатны үйл явц, чиг хандлага. Улаанбаатар: МҮИС, 2018. С. 146–148.
- Топалова 2016 — *Топалова Д. Ю.* Образ «нутг» в лирике Осорин Утнасн (на примере стихотворения «Нутгтан нерэдсн седкл») // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 4. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 112–129.
- Bulag 1998 — *Bulag U. E.* Nationalism and hybridity in Mongolia. New York: Oxford University Press, 1998. 302 p.

References

- Ayushova Ts. N. The Concept of «Homeland» in Kalmyk Linguistic Culture. In: *Ethnocultural Conceptology and Modern Directions of Linguistics*. Elista: Kalmyk State University, 2008. No. 1. Pp. 58–61. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. «Nutuk»: on the Question of the Concept of «Nomadism» and the Territory of Settlement of the Oirats (based on folklore materials). *Mongolian Studies*. 2011. No. 5. Pp. 96–108. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Buddhism of Kalmyks and Oirats: the Rite of Dedication to Ancestors and Spirits-Owners of Territories (some aspects). In: *Tibetology and Buddhology at the Junction of Science and Religion-2018*. Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the RAS. Vol. 30. S. Kuzmin, N. Shaumyan (eds.). M.: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. Pp. 39–66. (In Russ.)
- Bulag U. E. Nationalism and Hybridity in Mongolia. New York: Oxford University Press, 1998. 302 p. (In Eng.)
- Esenova T. S. Essays in Kalmyk Linguistic Culture. Elista: Kalmyk State University, 2012. 160 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I. Nomadic States from the Huns to the Manchus. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997. 320 p. (In Russ.)
- Navaanzoch H. Tsedev. Cultural Constant «Homeland» among Nomadic Mongols and Kazakhs. *World of the Greater Altai*. 2015. No. 1. Pp. 89–93. (In Russ.)
- Orlova K. V. On the Study of Ethnic Markers of the Derbets of Mongolia: the Text of the Incense to the «Host Spirits» of Nomads. In: *Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples*. No. 3. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2015. Pp. 79–95. (In Russ.)
- Orlova K. V. The Incense of Nutuk of Derbets of Mongolia. *Orient*. 2016. No. 6. Pp. 132–141. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. The Concept of «Homeland» in the Worldview of the Mongolian Peoples. *Ethnographic Review*. 2007. 3. Pp. 117–124. (In Russ.)
- Terentyev V. I. «Nutag» as an Understanding of the Image of a Small Homeland among Modern Mongols. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*. 2018. No. 2 (20). Pp. 91–99. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-2-91-99 (In Russ.)
- Terentyev V. I. The Idea of Nutage among Urban Mongols. In: *Ethnic processes and trends in Central Asia and Mongolia*. Ulaanbaatar: MUIS, 2018. Pp. 146–148. (In Russ.)
- Topalova D. Y. The Image of «Nutg» in the Lyrics of Osorin Utnasn (on the example of the poem «Nutgtan Neradsn Sedkl»). In: *Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples*. No. 4. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2016. Pp. 112–129. (In Russ.)
- Viktorova L. L. The Mongols. The Origin of the People and the Origins of Culture. Moscow: Nauka, 1980. 224 p. (In Russ.)